

ЕВГЕНИЙ ДИМОВ

ЧЕРНЫЕ РУНЫ АББАТА

КНИГА 1

18+

Руны Судьбы

ЕВГЕНИЙ ДИМОВ

Черные Руны Аббата

«Автор»

2026

Димов Е.

Черные Руны Аббата / Е. Димов — «Автор», 2026 — (Руны Судьбы)

Один покойник. Одно фальшивое имя. И тайна, за которую режут глотки. Ещё вчера Хугго был никому не известным слугой в замке, но случайная находка на пыльном чердаке меняет всё. На холодном полу - тело рыцаря без герба на сюрко. Рядом меч. И эта находка дает ему чудесные возможности, но и может стоять ему жизни. И пророчества, пророчества... Они меняют все.

© Димов Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга 1	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Г	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Черные Руны Аббата

Книга 1

“

*Ибо предначертано будет каждому
возвыситься сквозь слепой рок и
испытания,
дабы равный среди равных принял
венец и вывел народ свой к
рассвету”.*

Пророчество Святого Риса.

Глава 1

Под ногами поскрипывал засохший голубиный помет, в нос лезла въедливая пыль, но Хугго, опустившись на корточки и стараясь не удариться головой о балки стропил, упрямо пробирался всё дальше от люка, что вел на чердак. В его полумраке почти ничего нельзя было разглядеть, и парень уже отчаялся найти для себя что-то интересное и совсем было собрался поворачивать назад к лестнице, как вдруг застыл. Из-за массивной печной трубы торчали чьи-то ноги. На них были стальные рыцарские сапоги, точно такие же, как в арсенале его хозяина, которые Хугго чистил множество раз.

Сердце екнуло. Затаив дыхание, он еще ближе подкрался к краю каменной кладки и осторожно выглянул. Прямо за трубой, у кучи старого мусора, прислонившись спиной к стропилам и бессильно уронив голову на грудь, сидел человек. В тонких желтых пиках солнечных лучей, пронзавших темноту под самой крышей, вокруг него золотыми искорками плясала пыль. Человек был в полном доспехе. Закрытый шлем с давно истлевшими, сгнившими перьями плюмажа свесился на грудь, скрывая лицо, и понять издалека, жив ли он, было невозможно.

«Рыцарь! Святые небеса, это же настоящий рыцарь!» — молотом застучало в висках у Хугго. «Неужели живой? Да нет, мертвый, точно мертвый», — подумал Хугго, увидев, что правая рука сидящего была без боевой перчатки, и желтая пергаментная кожа лишь частично покрывала костяшки пальцев.

Вокруг мертвеца толстым слоем лежала пыль. Тут и там валялись старые перья и голубиный помет, покрывавший белыми пятнами доски пола. Темное пятно, окружавшее мертвеца, определенно было высохшей кровью, очерчивающей место его последнего упокоения.

Хугго медленно приблизился к рыцарю и бережно прикоснулся к плечу. Доспех скрипнул, шлем покачнулся, но больше ничего не произошло. Только ветер завывал в щелях крыши да ворковали над головой голуби. Меч лежал у руки погибшего, на серой стали лезвия которого, у самой рукояти, можно было различить едва видимые черные руны. Клинок покрывали темные разводы, из-за которых казалось, будто он выкован из змеиной кожи. Хугго осмотрелся, стараясь разглядеть в сумраке что-то ещё интересное, но, кроме старых корзин, развалившихся бочек и древней колыбели, ничего не было видно. Сломанная прялка завершала унылый пейзаж заброшенного чердака. Ни щита, ни перчатки нигде не было видно.

Потянув вверх, Хугго, затаив дыхание, снял с человека тяжелый шлем, и из-под стеганого подшлемника показались густые каштановые волосы. Высохшее лицо покрывала желтая кожа, а на скулах еще топорщилась густая рыжая борода. Глаза были закрыты, и высохшие веки ввалились внутрь глазниц. Справа из подреберья, прямо из истлевшей ткани сюрко, торчало оперение арбалетного болта. Хугго отложил шлем в сторону, потянул и легко вытащил потемневший от крови болт с двумя белыми полосками у оперения. Тяжелый, с граненым наконечником, он даже сейчас излучал угрозу.

На груди рыцаря висела тяжелая цепь из желтого металла с фигурой какого-то животного, застывшего на задних лапах в геральдической позе «восстающего». Но даже внимательно рассмотрев искусно сделанную подвеску, Хугго не смог с уверенностью определить, что это за зверь, - в их краях подобные существа точно не водились.

«Может, такие обитают в Туманных горах? - подумал он, разглядывая детали. - Вроде похож на грифона, которого они проходили на уроках: тоже с крыльями, львиным телом и длинным хвостом... Нет, все-таки не разобрать».

Ладно, решил про себя Хугго, нужно будет при случае как-нибудь ненавязчиво расспросить учителя по геральдике. Главное - сделать это аккуратно, будто к слову пришлось, чтобы почтенный мэтр ничего не заподозрил..

Немного подумав, Хугго на цыпочках прошёл по чердаку, чтобы его не услышали убирющиеся в комнатах баронессы горничные, и спрятал болт в дальнем углу под крышей. Так у него появился еще один его тайник, которых у него было множество в разных частях замка, и о которых никто, кроме него и Райса, ничего не знал.

Так, теперь Хугго надо было решать, что делать с находкой.

Вообще, по-хорошему, следовало сообщить кастеляну, но в этом случае Хугго получил бы шиш с маслом, а не награду. Хотя если бы просто шиш – это было бы еще полбеды. Ему определенно влетело бы: во-первых, за то, что лазит там, где не положено, а во-вторых, за то, что бездельничает в то время, «когда все приличные люди трудятся во славу ее милости».

Эх, если бы рассказать о найденном рыцаре напрямую барону, тот наверняка пожаловал бы парню монету-другую. Но барон Ан Дарс погиб уже более полугода назад. Он ушел по призыву своего сюзерена воевать южных колдунов и сложил голову при осаде одной из их крепостей. Огненный шар, запущенный вражеским магом прямиком в шатер высшей знати, не оставил находившимся там ни единого шанса на спасение. В тот проклятый день королевство лишилось множества отважных мужей, включая родного брата короля - герцога Вирса Ан Гарда, который как раз проводил в тот момент военный совет.

И именно в тот день Хугго внезапно потерял сознание, рухнув прямо в холодную воду реки вместе с бреднем, который они с ребятами уже почти вывели на берег. Благо рядом оказались другие пацаны: они вытащили его на песок, быстро привели в чувство, нещадно хлопая ладонями по щекам и брызгая в лицо речной водой. Тогда все решили, что парню просто напекло голову жаркое июльское солнце, но Хугго до сих пор помнил то жуткое, леденящее ощущение пустоты, которое на мгновение затопило его разум прямо перед тем, как мир вокруг него погас.

Теперь в поместье из законных хозяев оставались лишь баронесса Валесса да ее сын Райс, с которым Хугго дружил с самого детства. Убитая горем вдова почти не покидала своих покоев, лишь изредка переходя в замковую часовню. Там она часами пропадала в истовых молитвах за упокой души мужа, а возвращаясь к себе, до ночи читала старинные книги.

Фактически всеми делами сейчас заправлял старый мерзкий кастелян. Этот желчный старик постоянно шпынял Хугго за любые мелочи и на дух не переносил праздно шатающуюся челядь. Именно поэтому парню и приходилось вечно прятаться по углам. У него была единственная цель - не попасться кастеляну на глаза, иначе можно было запросто встретить закат за чисткой выгребных ям или бесконечным тасканием тяжелых ведер с водой в барскую прачечную и на кухню.

Вдобавок ко всему, Райс недавно тоже уехал, отправившись в соседний замок к своему дяде на охоту и обещал вернуться только через неделю. Без него Хугго откровенно скучал.

Казалось бы, что общего у сына сокольничего и юного наследника баронии? Но, как оказалось, им всегда было о чем поговорить и чем заняться. Да и почему бы молодому господину не слинять со двора, если вокруг ошивались одни лишь занудные дядьки-воспитатели? Те так и норовили затащить его на скучные уроки словесности, геральдики или на изнурительные занятия по фехтованию, где за любую ошибку можно было легко получить тяжелой деревяшкой по ребрам.

Сбежавший на речку Райс там и познакомился с Хугго, который был старше его всего на год. В тот день Хугго увлеченно рубил палкой заросли крапивы у воды и быстро приобщился к этому занятию маленького барона, соорудив ему такой же «меч» из гибкого ивового прута. Позже начались совместная рыбалка на плетеные «морды», чистка лошадей в баронской конюшне и воровство горячих плюшек со стола бдительной кухарки. Но в последние годы ко всем этим детским забавам прибавилось еще одно, куда более волнующее развлечение - скрытное наблюдение за деревенскими девками, приходящими на реку купаться. Это занятие увлекало их сильнее прежнего. Природа брала свое.

По какой-то неведомой причине - видимо, заметив крепкую дружбу между мальчишками, - барон в свое время распорядился, чтобы Хугго присутствовал на всех занятиях Райса. Молодой наследник, в отличие от самого Хугго, пришел от этого решения в полный восторг: теперь ему не нужно было в одиночку отдуваться перед занудными учителями, да и грызть гранит науки вдвоем оказалось куда веселее. Небольшая разница в возрасте всего в один год позволяла им вместе осваивать дисциплины, положенные молодому барону по статусу. В итоге к своим шестнадцати годам Хугго знал ровно столько же, сколько и Райс. Уступал он другу разве что в геральдике, где никак не мог запомнить и различить все эти гербы, родовые знаки и виды знамен.

В тот год, его мать, узнав о том, что Хугго теперь будет посещать занятия вместе с молодым бароном, лишь молча поджала губы. Она выразительно переглянулась с отцом и, ласково погладив сына по голове, тихо приговорила: «Вот и ладно, вот и хорошо... это правильно будет».

Итак, раз уж Райс уехал, с найденным мертвецом нужно было что-то решать самостоятельно, чтобы сохранить всё в тайне до возвращения друга.

Меч притягивал его взгляд.

Хугго с благоговением взял его в руку и бережно протер лезвие рукавом своей видавшей виды рубахи. Затем, представляя себя на боевом коне, скачущем во весь опор в атаку на врага, он, поднявшись во весь рост, высоко вскинул клинок над головой, почти касаясь им верхней перекладины. Солнечный луч, пробившийся сквозь щель в кровле, молнией отразился от отполированной стали и во все стороны от нее брызнули яркие зайчики, задрожав на старых деревянных балках.

И в это же мгновение мир для Хугго раскололся надвое. Правый глаз пронзила такая ослепляющая боль, словно туда плеснули кипящей смолы. Меч выпал из ослабевших пальцев и он с хриплым криком повалился на колени, хватаясь руками за лицо. Голову сжало стальными тисками, а перед глазами безумным вихрем пронеслись чужие, пугающие образы: грохот бьющейся стали, крики умирающих людей и удушливый запах крови и гари. Парня скрутило от подступившей тошноты, он судорожно хватал ртом воздух, пока его глаз полыхал нестерпимым огнем. Из-под плотно зажмуренных век неудержимо текли слезы, смешиваясь с проступившим от боли холодным потом. Хугго хрипел, катаясь по пыльному полу чердака, пока его наконец не вырвало.

На мгновение спазм в желудке отпустил, принесся призрачное облегчение, но агония в голове и не думала утихать. Он так и остался стоять на четвереньках, уткнувшись лбом в грязные доски. Изо рта на пол тянулась густая слюна, и всё, на что у Хугго хватало сил - это тихо, надрывно выть от пульсирующей боли, которая, казалось, вот-вот расколется его череп изнутри. Когда спустя несколько долгих, мучительных минут дикая боль наконец отступила, сменившись изнуряющим, глубоким зудом в глазу, Хугго с трудом смог проморгаться. Зрение медленно возвращалось в норму, но ему показалось, что все вокруг немного изменилось.

Выяснить, как рыцарь вообще попал на чердак башни и чья рука его сразила, Хугго решил позже. Пока же он просто сидел в точно такой же позе, что и мертвец - привалившись спиной к опорному столбу стропил, бессильно ронял слезы и пытался прийти в себя. Острая боль постепенно отступала, уступая место мертвенной усталости. Хугго перевел взгляд на покойника: с этим огромным телом нужно было что-то делать, причем немедленно. К счастью, сухой воздух просторного, насквозь продуваемого чердака сотворил чудо - плоть не сгнила, а превратилась в огромную иссохшую мумию, которую теперь требовалось надежно спрятать. Что удивительно, здесь не ощущалось даже малейшего запаха тлена. Напротив, от мертвеца едва уловимо, но отчетливо пахло сухими степными травами и горькой полынью, словно магия, убившая его, забальзамировала останки.

Немного подумав, Хугго решил всё же не двигать покойника, боясь, что тот просто рассыпется у него в руках. Вместо этого он перетаскал из дальних углов старые, дырявые корзины и плотно обложил ими тело, а оставшиеся на виду части доспехов тщательно засыпал сухой соломой. Мысленно извинившись перед павшим за такое непочтительное обращение, последнюю, самую большую корзину Хугго аккуратно надел мертвецу прямо на голову, окончательно сломав остатки плюмажа, что торчали из шлема. Теперь, если не приглядываться, покойник выглядел как обычная гора скопившегося за долгие годы хлама, которая полностью скрывала мертвеца от чужих глаз. Загляни сюда кастелян с проверкой, он бы просто скользнул взглядом мимо.

Так у Хугго появилась тайна.

Глава 2

Тихо выйдя в коридор, Хугго на цыпочках попытался проскользнуть до главной лестницы, но неожиданно открылась дверь в покои баронессы, и оттуда с огромной корзиной грязного белья вышла горничная Мирта.

– Опа, Хугго ! - весело воскликнула она. - А ну-ка стой, где стоишь! Хватай корзину и тащи в прачечную, раз уж ты тут шатаешься без дела.

Хугго мысленно застонал, но спорить не стал.

– Ладно, давай, - буркнул он и подхватил тяжеленную корзину.

Навстречу по лестнице тяжело поднимался кастелян. Через каждый пролёт он останавливался и, упершись руками в колени, переводил дух. Увидев спускающегося Хугго с полной корзиной, кастелян выпрямился и с удивлением проскрипел:

– Святые небеса, что я вижу! Неужели Хугго занят делом?

– Да, ваша милость, я помогаю Мирте, – ответил паренек с поклоном.

– Не ври мне, ленивая дрянь! Ты, скорее всего, спал где-то и, только услышав, как я поднимаюсь, решил прикинуться помощником! Так, Мирта? – обратился он к спускавшейся следом девушке.

– Совсем нет, ваша милость. Хугго помогает мне всё утро. Сначала приносил бельё, менял воду, потом я перестилала постель, и теперь он несёт всё вниз. Уж такой славный он парень, безотказный!

– По этому «славному парню» давно плачут батоги! – сварливо заключил кастелян. – Прочь с глаз моих оба!

Тяжело вздохнув, толстяк продолжил подъем на барский этаж. Пропустив его, Мирта слегка подтолкнула парня в спину, и они быстро припустили вниз.

Обернувшись на площадке, Хугго улыбнулся горничной и тихо сказал:

– Спасибо.

– Да не за что. Давай, давай, шевели ногами, “ленивая дрянь”, - С улыбкой ответила девушка, подталкивая его вперед. – Скажи матери, что я вечером зайду, тут одна простынь прохудилась, пусть посмотрит, что можно сделать.

Выбравшись во двор замка, Хугго проскользнул на сеновал конюшни и, зарывшись в пахучую сухую траву, погрузился в размышления. Но в голову никаких умных мыслей не приходило. Зуд под веком становился нестерпимым, а слёзы текли сплошным потоком, размывая очертания предметов. Хугго, пошатываясь, спустился по лестнице в полумрак конюшни и бросился к большой бочке с водой, что всегда стояла у денника. Наклонившись над самой кром-

кой, он пальцами оттянул влажную кожу, пытаясь разглядеть себя в отражении. Но стоявшая за перегородкой кобыла постоянно переступала с ноги на ногу и тяжёлый стук копыт отзывался в полу так, что водная гладь шла мелкой рябью. Как Хугго ни вглядывался, он так и не смог разобрать в зыбком зеркале ничего, кроме собственного смутного силуэта.

О том, чтобы попросить кого-то посмотреть, что у него в глазу, не было и речи – все обитатели замка были заняты работой. Поэтому Хугго решил отправиться на поиски зеркала. Во всем замке зеркало имелось лишь у баронессы, которая держала его на комод в оправе из чистого серебра. Хугго видел его, когда в прошлом месяце скоблил в ее покоех пол.

Дождавшись когда кастелян появится во дворе и направится к воротам, Хугго бегом пустился к жилой башне и вихрем взлетел на верхний этаж. Горничные уже закончили уборку, и в коридоре стояла тишина. Стараясь не шуметь, он подошел к дверям госпожи и прислушался. Тихо. Хозяйка, видимо, еще не вернулась из часовни.

Затаив дыхание, Хугго нажал на ручку и потянул дверь на себя. Тонко заскрипев, она приоткрылась, и парень заглянул в образовавшуюся щель. В комнате никого не было. Быстро проскочив внутрь, он подбежал к комоду и аккуратно взял в руки тяжелое зеркало из полированной бронзы.

На Хугго глянуло его собственное лицо, в этот раз ничем не искаженное. Раньше он видел себя только в речной воде или в бочке, где отражение постоянно дрожало и расплывалось. Увидеть себя вот так, четко и полностью, было для молодого человека совершенно новым, удивительным ощущением. Он замер.

Из глубины зеркала на него смотрел парень, в котором еще совсем недавно угадывался мальчишка. Густые русые волосы, выгоревшие за лето почти до соломенного цвета, непокорными вихрями падали на лоб. Солнечный загар густо покрывал чистую кожу, а по переносице, словно золотая пыльца, рассыпались мелкие веснушки, всё ещё придавая ему простодушный, почти детский вид. На носу назревал прыщ.

Но глаза выдавали перемену. Серые, ясные глаза смотрели внимательно и в них уже не было прежней мальчишеской беззаботности. Хугго слегка повернул голову, разглядывая тонкий, бледный шрам на правой скуле - давнюю память о лихом прыжке с забора и неудачном приземлении. Этот маленький след времени почему-то сейчас казался ему особенно заметным. Правый глаз сильно покраснел, а веко набухло. Хугго замер, прислушиваясь, не слышны ли шаги, чтобы успеть положить дорогую вещь на место и выскользнуть наружу. Вокруг по-прежнему было тихо. Тогда он аккуратно оттянул вверх пальцами верхнее веко, и посмотрел в зеркало. Ничего.

Удобнее перехватив скользкую ручку тяжелого зеркала, он оттянул нижнее веко и...

От неожиданности Хугго даже вскрикнул: на розовой плоти отчетливо виднелись антрацитово-черные руны, которых он не знал.

– Это... это что за хрень?! - вырвалось у него сдавленным шёпотом. – Ой, мамочки, это что метка, что ли! Это я Меченый что ли стал?!

Не выпуская тяжелое зеркало из рук, Хугго заметался по комнате, не зная, что делать, – ужас полностью захлестнул его. Все знали, что значит быть Меченым. Легенды о них десятилетиями передавались из уст в уста. Сидя долгими зимними вечерами у огня, люди рассказывали страшные истории о том, как исчезали те, кому довелось получить знак.

«Как это? Откуда оно? Почему я? Я не хочу! Нет, нет, нет!» – метались мысли в голове у Хугго.

Он ещё раз поднял зеркало и снова оттянул веко. Да вот она, эта метка, ему не показалось. Хугго отпустил веко и посмотрел на свое лицо еще раз более пристально. Нет, снаружи рун не было видно. Просто припухлость.

Вдруг до его слуха донесся какой-то шум. Кажется, кто-то поднимался по лестнице. Положив зеркало на комод, Хугго метнулся к двери и прислушался. Он тенью выскользнул в коридор и медленно прикрыл за собой дверь, а затем на цыпочках побежал в противоположный конец галереи и завернул за угол.

Там за печной трубой находилась лестница на чердак, но возвращаться туда парню не хотелось. И вовсе не из-за мертвеца, который остался сидеть под стропилами, – просто лишний раз беспокоить умершего человека Хугго казалось неправильным. Нет, он был храбрым малым, но тревожить покойников без нужды не желал.

Поэтому он забился в угол, затаился и весь превратился в слух. Судя по звукам, баронесса медленно дошла до своей двери, открыла ее и вошла внутрь. Дверь осталась слегка приоткрытой. Вскоре Хугго услышал приглушённые всхлипывания, и ему стало безумно жалко женщину.

Баронессу в замке любили все. Она была доброй и милосердной – на каждый праздник дарила Хугго разные монеты, а однажды, виданное ли дело, дала даже золотой! Все полученные от госпожи монеты Хугго послушно отдавал матери, которая при виде них всякий раз начинала тихо плакать, прижимая его к своей груди и глядя по голове. Почему она всегда плакала, парень не понимал, искренне надеясь, что то были слезы радости за полученные так легко большие деньги.

В канун последнего праздника Святых Братьев Валисов баронесса застала Хугго на своем этаже – тот как раз натирал деревянный пол мастикой из кабаньего жира. Мягко подозревая парня, она сделала шаг навстречу. Хугго замер, неловко расставив руки в стороны, чтобы невзначай не запачкать госпожу. Баронесса аккуратно повесила ему на грудь образок из белого металла, на котором были изображены два маленьких человека, держащие друг друга за руки. После чего, ласково потрепав Хугго по волосам, женщина быстро повернулась и ушла в свои покои, прижимая к глазам кружевной платок.

Со своей стороны, Хугго тоже непреодолимо тянуло к ней. Становясь старше, он ловил себя на мысли, что думает о госпоже все чаще и чаще. И что самое удивительное, ему безумно хотелось просто прижаться к ней и вдохнуть тот чудесный, едва уловимый аромат, что исходил от неё всякий раз, когда она разговаривала с ним или проходила мимо, неизменно теребя его рукой по волосам.

Тот образок был бережно положен в кожаный кошель и спрятан в тайнике за печкой, вместе с большим кинжалом, который Хугго нашёл на месте гибели купеческого каравана, разграбленного разбойниками прошлым летом в Сухой Балке.

В тот день весть о том, что вышедший из замка караван из шести тяжелых подвод был ограблен, а все люди убиты неизвестными злодеями, так поразила барона, что он приказал опустить решетку и выставить на стены усиленные караулы. Неожиданные нападения на замки баронов крупных бандитских ватаг, состоящих из дезертиров и просто головорезов отрядами по сто и более человек были не редкость в этих краях. На следующее утро, несмотря на то, что замок перешел в осадное положение и ворота заперли, Хугго с Райсом выбрались наружу через подземный ход, который выводил прямо к реке, и рванули на место происшествия, чтобы посмотреть на всё своими глазами.

Тот подземный ход являлся одной из страшных тайн, которую друзья поклялись никому не открывать. Хугго нашёл его совершенно случайно лет пять назад, когда они с Райсом играли в прятки. Вполне возможно, кто-то из прежних хозяев замка поначалу и знал о лазе, но, благодаря тому, что вход был искусно замаскирован, а скорее всего, что о нем просто забыли, им никто не пользовался уже многие десятилетия. Внутри всё настолько заросло паутиной, что в первый раз дрожащим от страха приятелям приходилось пробираться с факелом, сжигая ее серые клочья и разгоняя мириады пауков. И вот наконец-то этот ход пригодился!

Сухая Балка находилась в трёх верстах от замка и являлась идеальным местом для засады. Слева высилась отвесная скала, а справа чернел обрыв в русло высохшей реки, заваленное огромными камнями. Добравшись туда и увидев первую подводу, мальчики затаились за валуном и некоторое время наблюдали за местом нападения.

Всех лошадей разбойники увели. Трупы охранников, купца и сопровождавших его людей лежали там, где их настигла смерть. Доспехи с защитников были сняты, а всё оружие и товары купеческого каравана нападавшие унесли с собой. Стояла мертвая тишина, и только вороны нарушали её своими жуткими криками.

Райс с дрожью в голосе шепотом рассказал, что его отец уже отправил гонца в соседний замок, к своему шуруну. С ним он просил о помощи, чтобы собраться и организовать преследование и, если повезет, уничтожить бандитскую ватагу так, чтобы в будущем не опасаться повторного нападения.

После того как мальчики убедились, все тихо и что разбойники ушли, они спустились по крутому склону к дороге и стали медленно обходить место нападения на караван.

Да, по всему, у обрыва в русло высохшей реки была настоящая бойня. Судя по количеству крови, покрывающей этот небольшой участок земли, охранники каравана знали своё дело и приняли смерть с честью. Если бы они просто сдались, им бы, наверное, отрубили головы сразу – как тем несчастным возницам, что теперь лежали рядом возле скалы. Тела же защитников оказались посечены так, что сразу становилось ясно: они бились до последнего вздоха.

Сам купец, с разбитой головой и абсолютно голый, лежал у телеги. С него сняли как дорогое исподнее белье, так и сапоги доброго пошива. Видимо, пытаясь снять драгоценные перстни с его толстых пальцев, разбойники просто отрезали их, бросив тут же, рядом с трупом.

Райса вывернуло. Он стоял на карачках, проклиная всё на свете, отплеывался и сквозь слезы умолял друга вернуться домой. Хугго же, на удивление, чувствовал себя совершенно нормально. Вид покойников никогда не пугал его. Более того, парень ловил себя на странной мысли, что ему даже интересно рассматривать мертвых людей и животных, пытаясь разгадать, что они почувствовали в свой самый последний миг.

Хугго прошел по каплям крови, ведущим к обрыву, и замер. Там, в пойме реки, где крупные камни, веками сносимые бурными водами, выложили свою извилистую дорогу к горизонту, лежал человек. Один из охранников каравана покоился внизу, раскинув руки в стороны и глядя в синее небо широко открытыми мертвыми глазами. Видимо, в суматохе боя нападающие не заметили его падения и не успели обобрать.

Ловко перепрыгивая с камня на камень, Хугго ящерицей спустился на дно высохшего русла и подобрался к убитому. Из груди мертвеца торчал длинный кинжал с рукоятью, обтянутой черной кожей.

– Оппа-а-а... А вот это – моё, – сказал Хугго и вытянул кинжал. Без малейшего колебания он вытер чужую кровь о штаны убитого и побежал обратно к своему другу, который всё так же сидел на камне, уставившись в одну точку перед собой.

– Ну ты чего расклеился? – спросил его Хугго .

– Неужели тебе совсем не противно? – тихо спросил Райс. – Ты бегаешь по камням, как горный козел, будто тут ничего не произошло! Вон люди безголовые лежат, кишки выпущенные кругом, запах какой, а тебе хоть бы что... У тебя сердце вообще есть?

– Слушай, хватить ныть! Всё у меня есть! И вот скажи мне, Рай, а что изменят мои слезы? Ну вот что будет толку, если я сяду рядом с тобой и буду сопلي пускать? Толку не-бу-дет! Так, тихо... Слышишь?! Бежим!

Неподалеку послышался глухой топот копыт и отчетливое лязганье оружия. Было ясно, что к балке приближается небольшой конный отряд. На четвереньках парни рванули вверх по склону и скрылись в густых кустах – тех самых, за которыми, вполне возможно, до этого сидели разбойники, поджидая караван.

Из-за поворота дороги вылетел десяток всадников. Увидев разграбленные подводы, они резко сбавили темп и, обнажив оружие, остановились. После чего, оценив обстановку и поняв, что засады можно не бояться и грабители ушли, некоторые из них спешили и начали медленно подходить к телегам.

– Это отец! – восторженно прошептал Райс.

– Тихо ты, не высовывайся, – толкнул его в бок Хугго и сжал ему локоть рукой.

– Чего ты боишься? Давай выйдем!

– Сиди ты, олух. Как ты ему объяснишь, как мы выбрались из замка? Замок-то закрыт! Ты забыл, герса опущена! Или ты ему хочешь про наш подземный ход рассказать? Они его завалят сразу, и мы потом вообще наружу фиг выйдем!

– А, точно... – сдулся Райс. – Ну все, все, отпусти...

Всадники тем временем ходили между подвод и собирали трупы. Головы возниц они бережно поместили на ту же телегу, где лежали их тела, охранников стащили на другие повозки, а купцу выделили отдельную подводу, уложив его туда одного.

Затем сам барон подошел к краю обрыва и оглядел окрестности. Посмотрев вниз, он заметил упавшего на камни охранника и приказал паре своих солдат поднять его наверх. Когда погибшего вытащили и положили в телегу к другим охранникам, отряд развернул коней и медленно двинулся обратно в сторону замка. В телеги им пришлось впрячь своих заводных коней, которые прями ушами и фыркали от такого количества покойников.

Друзья побежали в замок прямой дорогой, как только скорбная процессия медленно скрылась за поворотом.

Так у Хугто появилось свое первое оружие.

Глава 3

Первым делом Хугго решил узнать больше о метке. Мысленно перебрав в уме всех, кто мог хоть что-то знать о ней, он остановился на старой Фрине, которая работала в замке прачкой с самого детства. Проскользнув в прачечную, где в огромных котлах варилось бельё, Хугго поморщился от резкого запаха мочи, в которой отбеливали простыни. Он подошел к старухе и спросил, нужна ли ей вода.

Фрина повернула к нему бледное от пара лицо, утерла лоб мокрой рукой и ответила, что чистая вода нужна всегда. А затем, немного удивившись, подозрительно прищурилась:

– Это что это с тобой? Чего это ты сегодня сам просишься поработать?

Хугго безразлично пожал плечами:

– Так скучно просто так шататься... Хочу немного размяться.

На это он немедленно получил два тяжелых деревянных ведра и отправился во двор.

Главный колодец замка располагался внутри донжона. Обычно дверь туда кастелян держал на замке, ведь внутри главной башни также находились арсенал и кладовые с едой, куда посторонним запрещалось заходить под страхом сурового наказания. Но ради хозяйственных нужд кастелян позволял пользоваться колодцем, чтобы тот не застаивался и не заиливался. Каждое утро он сам отпирал тяжелую дверь и бдительно следил за всеми, кто входил внутрь.

Когда кастелян не мог находиться рядом сам, он поручал контроль за входящими старику Харсу, потерявшему ногу при одной из осад замка. Вот и сейчас ветеран сидел в тенике у двери и, подслеповато шурясь, улыбался подходящему к донжону пареньку.

– Кого я вижу! Хугго, мальчик мой, ты как тут оказался? Тебя опять поймал господин кастелян и заставил работать?

– Почему сразу поймал-то? – буркнул Хугго. – Я сам вызвался носить воду. Хочу помочь старой Фрине, эвона глянь, она же еле ходит. Всё равно меня рано или поздно заставили бы что-то делать. Лучше уж чистую воду носить, чем мочу для нее собирать по ночным вазам да людским домам. Меня потом мама домой пускать не хочет, так воняю...

– Это да, это да, – понимающе закивал старик, – вода завсегда лучше будет. Ладно, иди набирай. Но только смотри у меня, от колодца ни на шаг! Не дай Бог тебя на лестнице увижу!

– Да ладно, что я, в первый раз, что ли? – пробурчал Хугго и, подхватив ведра, пошел к башне. Поднатужившись, Хугго потянул хорошо смазанную, тяжелую дубовую дверь. Она без скрипа поддалась, и парень вошел в прохладу главной башни.

Посреди каменного пола первого этажа темнело углубление, в котором располагался колодец, к которому вели стертые от времени ступени. Хугго откинул тяжелую деревянную крышку и, перегнувшись через край, звонко крикнул в темноту: «У-у!». Гулкое эхо немедленно вернулось обратно. Глубоко внизу было темно, и только капли воды иногда падали со стен, добавляя жуткости в тишину донжона.

Ухватившись за ворот, Хугго набрал и вытащил наружу, одно за другим, два полных ведра. Выйдя на порог, он поставил их на землю, присел рядом с Харсом и как бы невзначай спросил:

– Слушай, дядька Харс... А вот в твоё время – были Меченые?

– Ну ты спросил! – заерзал на месте старик, тревожно оглядываясь по сторонам. – Были ли Меченые... Да конечно были! Только жили они, почитай, недолго. Говорят, как только какой-нибудь маг в замке появлялся, быстро их к рукам прибирал – и поминай как звали. И уж куда они потом девались, один Бог ведает. Одно знаю точно: обратно никто не возвращался.

– Погоди, дядь Харс, погоди, – перебил его Хугго, и внутри у него всё сжалось от нехорошего предчувствия. – Их что, убивали? Что с ними происходило?

– Да кто ж тебе скажет, что с ними стало... Был человек – и нет человека. Потому у нас как только маг какой на горизонте покажется, так все сразу из замка слинять пытаются. Лишь бы этим колдунам на глаза не попадаться, от греха подальше.

– А что они с ними делают-то? – тихо спросил Хугго .

– Да известно что – метку снимают. Слыхал я, что ежели ее не снять, помрет человек-то... Но сначала они метки эти ищут. Хотя что их искать им... Им это легко. Раз маг человека с собой уводит, значит, знак он уже приметил.

– А как эти метки вообще выглядят? – Хугго спросил это с замиранием сердца, едва удерживаясь, чтобы судорожно не моргнуть правым глазом.

– Да я только один раз в жизни такую и видел, – старик почесал затылок, погружаясь в воспоминания. – У Якиса, сына кожевника. Росли мы вместе, он на год или два меня помладше был. Шустрый такой малый, ага... Пошли мы как-то на речку купаться. Он рубаху скидывает, а под мышкой у него мазня какая-то. Ну, пацаны к нему – мол, дай поглядеть! А он закрывается, не даётся, орёт... Ну, мы его заломали, руку кверху задрали. Смотрим – а там написано что-то синим цветом. Бледно так, но видно. Четыре буквы какие-то с завитушками. Помню, первая буква яркая такая, а остальные побледнее... Да мы, если честно, тогда и значения не придали. Глянули да и забыли.

Харс вздохнул и сплюнул на землю.

– Икупались мы, значитца, домой вернулись. А я возьми вечером у матери да и спроси: что, мол, может значить синяя надпись под мышкой? Ой, Хугго, что там с матерью моей случилось – ты бы видел! Забегала, засуетилась, руками машет, то сядет, то встанет... А потом ка-а-ак прикрикнет: «Раздевайся!» – и давай меня со всех сторон осматривать. Слушай, без дураков, даже в задницу мне заглянула, честное слово! Только когда ничего не нашла, успокоилась. Села на лавку, меня по голове гладит, а у самой слезы из глаз и всё на меня смотрит – проверяет, не пропустила ли чего...

– И что потом? – спросил Хугго заинтригованно.

– Ну и всё, – развел руками старик. – Наутро мать моя побежала к Раушу – отцу Якиса, кожевнику нашему. А в обед смотрим: Рауш сына своего на телегу сажает, рогожей накрывает и из замка-то тихонечко так, огородами, и уехал. Больше мы того Якиса и не видели

никогда. Рауш только через четыре дня вернулся. Один. От кастеляна тогда получил десять батогов, помню, но терпел, зубы сжал и не орал...

– За что же это его? – тихо спросил Хугго.

– Да в то время зверь у нас был, а не кастелян. Всыпал он ему за то, что без спросу замок покинул, да всё допытывался, помню: куда, мол, твой малец делся? Малец, типа барона имущество! Но Рауш не дурак, не сказал. Твердил одно: ездил за кожей, по дороге волки напали, он отбивался с телеги, да вот, мол, не уследил, те и утащили мальчишку в чашу. Ну, тот кастелян поорал и успокоился. “Истественная убыль”, о как! Вот так он сказал, ну или вроде того...

– Это что же, тот ваш кастелян был еще хуже нашего? – Хугго даже заерзал на месте. В его голове просто не укладывалось, что на свете может существовать кто-то злее и вреднее их собственного замкового управителя.

– Что ты! Конечно, хуже, – ухмыльнулся Харс, обнажив беззубые десны. – Наш нынешний-то, можно сказать, дитя невинное по сравнению с тем покойничком. Того-то каждый в замке мечтал прирезать. И, кстати, прирезали! После последней осады нашли его на той стороне стены, а в спине – четыре дырки от ножа. Кто пырнул, кто с башни толкнул – так до сих пор и не выяснили. Туда ему и дорога.

– А этот кастелян у нас откуда взялся? – спросил Хугго.

– Так барон привёз откуда-то... – Харс махнул рукой. – Я-то в это время у лекаря отлеживался, без памяти почти. Мне ногу куском стены придавило, когда в нее из trebuшета зарядили. Так воот... Когда этот лекарь ногу-то мою отпилил, все боялись, что Антонов огонь выше колена пойдет да и прикончит меня. Да Боги миловали, пронесло. Только по колено и отчекрыжили мне ногу-то. А тут слышу – кричат, хозяин, значитца, вернулся. Он, видимо, уезжал, пока я в отключке был. Вот в тот раз он его и привез. Из города, небось, откуда же еще-то... Без управляющего-то сложно, хозяйство у нас большое: это же и сам замок, и деревеньки вокруг... Без помощника барону было никак. Но ты и этому кастеляну старайся лишний раз на глаза не попадаться. Что-то не нравится он мне... Ходит всё, вынюхивает...

– Хугго ! Где тебя черти носят?! Воду давай! – раздался со двора зычный крик Фрины. Как в таком тщедушном старушечьем теле мог жить такой бас, удивляло всех в замке.

– Ой, забыл я про неё! – спохватился Хугго и, подхватив ведра обернулся к Харсу, заговорщицки прошептал: – Я скоро.

Но скоро вернуться к старику, чтобы продолжить этот интересный разговор, у него не получилось. Забрав воду, Фрина тут же отправила Хугго помогать горничным с тяжелыми корзинами белья из-за чего парень наглухо застрял на барском этаже до самого обеда. Когда же он наконец освободился и уставший спустился во двор, Харса на месте уже не было, а тяжелая дубовая дверь донжона оказалась заперта на замок. Фрина также отказалась с ним говорить, сославшись на усталость, так что ушел Хугго не солоно хлебавши.

Немного помаявшись от безделья и предусмотрительно спрятавшись от кастелянских глаз у отца в соколье, Хугго погрузился в свои мысли. Ему было уютно среди старых сетей, порванных кожаных перчаток и сумок для дичи, развешанных по стенам. В просторном поме-

щении не было никого, кроме самого Хугго и пары старых, заслуженных птиц, смиренно сидевших на своих местах.

Кругом царила тишина, изредка нарушаемая звоном бубенчиков, что были прикреплены к лапам соколов. Птицы знали Хугго с самого детства и не кричали при его появлении, в отличие от чужаков, что делало сокольню отличным местом, чтобы уединиться и спокойно подумать. Отец сейчас находился в лесу, стараясь разнообразить стол баронессы свежими куропатками и зайчатинной. Хугго мог не опасаться, что в его каморку кто-то не вовремя зайдет. Все в замке знали, что сокольничий еще вчера уехал на дальнюю охоту, а если без спроса сунуться в сокольню, вполне можно получить от грозной птицы крепким клювом прямо в темечко. Поэтому слуги обходили птичник десятой дорогой.

К сожалению, в этот раз отец не взял сына с собой. Вместо этого он поручил ему важное дело – присмотреть за недавно пойманной молодой самкой сокола. Птица как раз проводила свои первые дни в «слепой», темной комнате, привыкая к голосам людей. Перед отъездом отец строго наказал Хугго вовремя менять ей воду и приносить свежее мясо с кухни. Он объяснил, что если юный сокольничий будет кормить её сам, это поможет дикому питомцу быстрее привыкнуть к нему и признать в Хугго хозяина.

Глава 4

Хугго посмотрел на солнце. Время обеда давно миновало, и настала пора кормить птиц. Отец уже много раз показывал ему, как кормить птиц, да и сам уже много раз самостоятельно кормил пернатых хищников. Вот и в этот раз он принёс с кухни кусок парной говядины, тщательно срезал с него весь жир, как учил отец, и зашёл в тёмную комнату к новой самке. Та сидела на оленьих рогах, приколоченных на разных уровнях к стенам. Кожаный клобучок на её голове надёжно скрывал от птицы все внешние раздражители. Хугго взял мясо в левую руку, на которую уже была надета тяжелая перчатка из лосиной кожи, и аккуратно снял с соколихи кожаный колпачок.

Оказавшись без клобука на голове, птица принялась испуганно озираться по сторонам и яростно взмахивать крыльями. Длинный кожаный ремешок на её лапе не позволял ей улететь, и соколиха раз за разом с хлопаньем опускалась обратно на рога. Наконец она немного притихла. Хугго медленно поднес левую руку к её лапам и, ласково приговаривая успокаивающие слова, коснулся мясом её пальцев.

Почувствовав запах мяса, соколиха уверенно переступила на перчатку и крепко сжала когти. Хугго даже затаил дыхание - страшно представить, что было бы, не будь на нём перчатки из плотной лосиной кожи. Своими бритвенно-острыми когтями хищница вполне могла пробить человеческую ладонь насквозь.

Птица внимательно, не мигая, посмотрела Хугго прямо в лицо черной бусиной глаза, а затем принялась наклонять голову, с силой рвать говядину и жадно заглатывать куски. Бедняжка не ела со вчерашнего дня и была очень голодна.

– Я тебя сейчас отстегну, – негромко сказал Хугго, когда соколиха наконец насытилась и принялась неторопливо чистить клювом перья. – Не вздумай никуда улетать, поняла меня? – Он потянулся к ремешку и встретился взглядом с чернотой ее левого глаза. В то же мгновение его пронзило резким, почти обжигающим теплом. Перед мысленным взором Хугго яркой вспышкой пронеслись чужие, дикие образы: бурлящая река, лесное озеро и... простое деревянное ведро, полное воды. На краткий миг ему показалось, будто он сам парит на огромной высоте, высматривая с небес далекий блеск чистой воды.

– Что это? Кто это сделал?! – испуганно вскрикнул Хугго. Он резко развернулся, едва не сбросив птицу с руки, и дико посмотрел по сторонам. В тесной комнате по-прежнему никого не было. Лишь соколиха сидела на его перчатке и, забавно склонив голову набок, пристально разглядывала его своим круглым желтым глазом с огромным расширенным зрачком. Точно таким же черным, как руны под веком у Хугго.

– Это... это ты сделала? – изумленно прошептал он, чувствуя, как по спине пробежали мурашки. – Ты пить, что ли хочешь?

Ответ не заставил себя ждать. В ту же секунду в его мозгу новой отчетливой вспышкой пронеслось чужое, отчаянное желание: *вода, вода, вода!* Метнувшись вместе с соколихой к двери, Хугго вышел в просторную часть сокольника и быстро поднес птицу к широкой чаше со свежей водой, стоявшей на столе. Он еще в прачечной успел отлить чистой воды из ведер в отцовскую кожаную баклажку, прекрасно зная, что пернатых хищников после сытного обеда

всегда мучит жажда. Оказавшись у поилки, соколиха принялась жадно пить. При этом она вела себя на удивление смирно: сидела на его руке без всякого клобука и лишь довольно переступала лапами, наслаждаясь долгожданной прохладой.

«Почему же она раньше-то не пила?» – озадаченно спросил себя Хугго, глядя на то, с какой поразительной жадностью птица заглатывает воду. Ответ немедленно пришел в голову новым мысленным образом. Перед глазами Хугго сгустилась плотная, давящая чернота, а в сознании эхом отозвалось: *темно, темно, темно...*

Хугго так и застыл, пораженный внезапной догадкой. Из-за собственной глупости и неопытности он чуть было не погубил дорогую птицу! Поместив дикую соколиху в темную комнату, он забыл снять с неё кожаный колпачок. Отец всегда освобождал голову новой птицы от клобука, когда запирали её в «слепой» комнате, чтобы в полумраке она могла спокойно осмотреться и легко найти воду. В этот же раз привязанная хищница мучилась от жажды в абсолютной темноте, даже не подозревая, что полная поилка находится от неё совсем рядом – на уровне оленьих рогов, куда можно было подняться, сделав всего один ленивый взмах крыльями.

«Интересно, это я теперь со всеми животными могу общаться, или только с соколами?» – задал себе вопрос Хугго. Ему не терпелось немедленно это проверить. «На ком бы еще попробовать?» – задумался парень.

Отнеся соколиху обратно в тёмную комнату и поместив её на привычное место на оленьих рогах, он плотно прикрыл за собой дверь и бегом пустился в другой конец двора – к свиарнику. В огромном деревянном загоне стоял привычный гвалт от десятка взрослых свиней и бесчисленного количества поросят. Малыши беспрестанно визжали, расталкивая друг друга и пытаясь добраться до матери. Именно по этой причине – из-за невыносимого шума и отвратительной вони – сокольня всегда располагалась на изрядном расстоянии от хозяйственного двора: птицы не выносили суеты, пугались и часто болели.

Огромный хряк лежал в самом дальнем закутке, и только пяточок его носа торчал из грязной жижи. Белесые щетинистые брови, нависшие над тупыми, ничего не выражающими глазками, и пузырьки воды, которые выдували его ноздри, вызывали у Хугго острое чувство омерзения. Точно такое же чувство, похожее на тошноту, он испытывал каждый раз, когда на него принимался орать кастелян.

«Еда! Еда, много еды! Есть!» – стал мысленно транслировать Хугго, глядя прямо в глаза хряку. Реакция последовала незамедлительно. Огромный боров неожиданно подскочил на месте и бешено крутанулся вокруг своей оси, веером разбрызгивая жидкую грязь, навоз и жирных опарышей, в которых только что мирно отдыхал. Вся эта нечисть полетела в разные стороны, а в мозгу Хугго яркими вспышками возникли чужие, примитивные образы прокисших помоев в корыте: *Еда! Еда! Еда!*

– Ага! Заработало! – широко улыбнулся парень. Теперь Хугго решил пойти дальше и проверить, каково это – внушить животному страх. Воровато оглянувшись по сторонам, он убедился, что в свиарник был пуст и его никто не видит. Затем он сосредоточился, изо всех сил пытаясь задействовать свой необычный дар, и направил на кабана новую порцию яростных мыслей: «Нож, топор, смерть! Нож, смерть, кровь!»

Перемена, произошедшая с животным прямо на глазах у Хугго, поразила его до глубины души. У огромного хряка резко подкосились колени, и жалобно хрюкнув, он мгновенно обмочился от дикого, потустороннего ужаса, после чего рухнул на брюхо. Истошно, режуще зазвизжав на весь свинарник, несчастный боров принялся судорожно отползать в самый дальний угол стайки, забиваясь под бревенчатую перегородку.

– Вот так-то, тупая скотина, – удовлетворенно пробурчал Хугго и вышел наружу, затворив за собой калитку загона.

Он слишком хорошо помнил тот день, когда этот самый боров коварно поддал ему сзади. Хугго тогда улетел кубарем прямо в навозную жижу, расшиб нос о корыто и получил жуткий нагоняй от матери за порванные штаны. Правда, за день до этого, сам Хугго сдуру зарядил хряку сосновой шишкой точно в пяточок, хвастаясь перед Райсом своей меткостью. Но об этой мелкой детали мальчик, разумеется, предпочел умолчать, когда со слезами на глазах расписывал матери причины своего плачевного состояния. Тем более, домой его привел зажимающий себе нос пальцами сам молодой барон, которого так и распирало от смеха и женщине оставалось только тяжело вздохнуть, глядя на сына, покрытого вонючей грязью с головы до ног.

Харса нигде не было видно. Внимательно осмотревшись по сторонам в поисках кастеляна, Хугго решил ещё раз проверить, в каком состоянии его веко. Для этого нужно было снова проникнуть в спальню баронессы. Чтобы оправдать своё присутствие в жилой башне замка, он заскочил на кухню и прихватил с крючка пустой кувшин, заявив, что надо отнести свежей воды хозяйке. Дородная кухарка, ополоснув кувшин кипятком из большого чана, налила туда колодезной прохлады, обтерла глиняные бока полотенцем и протянула Хугго :

– Слушай, Хугго, неси аккуратно его! Не дай бог опять разобьешь, как в прошлый раз. Я тогда точно кастеляну пожалуюсь. В тот раз я тебя прикрыла, но если еще раз... Смотри мне!

– Да в тот раз курица мне под ноги попала, я же говорил! – стал оправдываться Хугго . – Я только вышел из кухни, а она как выскочит... Ну я и запнулся об неё. А кувшином о стенку я совершенно случайно стукнул.

– Да мало ли что ты говорил! На вас, лоботрясов, посуды в замке не наберешься, – отмахнулась женщина и, отвернувшись, продолжила с хрустом шинковать капусту.

С кувшином в руках Хугго поднялся наверх. На барском этаже, как всегда в отсутствие барона, стояла глубокая тишина. Баронесса, судя по всему, либо опять была в часовне, либо гуляла по стене замка, иногда засиживаясь допоздна в беседке у Восточной сторожевой башни и читая книгу. Управляющий без надобности на этот этаж тоже не совался, так что мешать Хугго было некому.

Хугго тихонько постучал. Ему никто не ответил. Медленно потянув на себя дверь, он прошёл внутрь, бесшумно поставил кувшин на прикроватный столик и сразу метнулся к комоду, где покоилось бронзовое зеркало. Затаив дыхание, он взял его в руки и аккуратно оттянул правое веко. Скрытая от чужих глаз антрацитово-черная метка никуда не делась. Четыре загадочные руны всё так же чётко проступали на нежной коже, напоминая о том, что его жизнь уже никогда не будет прежней.

«Вот ведь гадство какое, а... - подумал Хугго, убирая руку от лица. - Кто же ещё в замке может знать про эти проклятые метки?» С этими мыслями он бережно положил тяжелое зеркало на комод и поспешил выйти из покоев. Но стоило ему приоткрыть дверь и переступить порог галереи, как он врезался в живую преграду.

Прямо перед ним, загораживая проход, как глухая стена, стоял кастелян.

– Ты что здесь делал, негодник?! – яростно прошипел он. – Ты в покоях баронессы шарился? Так ты у нас ещё и вор?! Попался, мерзавец!

– Что вы, что вы, ваша милость! – испуганно затараторил Хугго, выставляя перед собой пустые ладони. – Я только принёс свежую воду для баронессы. Вон она, на столике стоит, посмотрите...

Парень попытался пошире приоткрыть дубовую створку, чтобы показать кувшин, но управляющий не дал ему этого сделать. Тяжело хлопнув ладонью по дереву, толстяк с грохотом захлопнул дверь. Он навис всем своим огромным телом над сжавшимся Хугго, отчетливо выговаривая прямо ему в ухо шипящие слова и обдавая мерзким, гнилостным запахом изо рта:

– Мерзкий дармоед! Ты постоянно шныряешь по всему замку, выискивая, что бы спереть. И вот ты добрался уже до покоев хозяйки! Что ты у неё взял? Выкладывай! Быстро выкладывай!

И, не дожидаясь ответа, кастелян грубо схватил Хугго за горло, намертво придавив его к каменной стене, и принялся одновременно обшаривать его своей свободной жирной рукой.

– Что здесь происходит? – внезапно раздался со стороны лестницы возмущенный и строгий голос. – На галерею вышла баронесса. Хмуро сдвинув брови, она быстрыми шагами направилась к ним:

– Мальфиус, что ты себе позволяешь?! Немедленно отпусти его!

– Ваша милость, я думаю, что наконец-то поймал вора! – ничуть не смутившись, ележным, но твердым голосом отозвался управляющий. – Он только что был в вашей спальне. Я давно за ним наблюдаю, госпожа. Этот мальчишка далеко не так прост, как вам кажется!

– Полно вам, Мальфиус. Отпустите его, я ещё раз вам говорю! – отрезала баронесса, и в её голосе звякнула сталь. На мгновение повернувшись к замершему парню, она мягко добавила: – Хугго, иди к себе.

Кастелян нехотя разжал пальцы. Хугго, тяжело лоя ртом воздух, повалился на каменный пол и на карачках, словно побитый пес, стал уползать в сторону лестницы, успев отчаянно прохрипеть баронессе:

– Я воду вам принес, ваша милость! Просто воду...

Лишь оказавшись на безопасном расстоянии, он подскочил на ноги и резво бросился вниз по ступеням. Однако, преодолев первый пролёт, Хугго резко затормозил. Затаив дыхание,

он прижался к стене и стал внимательно прислушиваться к тому, что происходило на верхнем этаже.

– Ваша милость, – донёлся до него вкрадчивый, тихий голос кастеляна. – Он вышел из вашей спальни, очень аккуратно прикрыл за собой дверь и воровато оглядывался по сторонам. Поверьте моему опыту: именно так обычно и поступают воры...

– Этот мальчик - не вор! – властно оборвала его баронесса. – Он друг моего сына, а у Райса не может быть в друзьях воров, запомните это раз и навсегда, господин кастелян! Я знаю Хугго с самого младенчества. Более того, мне до сих пор решительно непонятно, как из моей спальни вообще могли пропасть те бумаги? Ведь они хранились в кованом ларце под сложным замком, ключ от которого есть только у меня! Неужели вы думаете, что мальчишка способен незаметно взломать сундук, за который мой муж отдал за морем почти пятьдесят монет?

– Нет-нет, ваша милость, что вы! - поспешно и приторно защебетал Мальфиус. - Я вовсе не думаю, что это именно он украл у вас те важные бумаги. Но я умоляю вас, проверьте все остальное. Все ли у вас на месте в покоях? Современная молодежь ведь так падка на блестящие безделушки... И еще, хотел бы напомнить, госпожа, он ведь совсем не несмышленный ребенок, ему уже, кажется, пятнадцать лет!

– Шестнадцать, уже шестнадцать... - задумчиво поправила его баронесса и через некоторое время добавила: - Хорошо, Мальфиус, ступайте. - Она отрезала это так решительно, что по звуку шагов Хугго сразу понял: хозяйка направилась к своей двери. – Я все осматрю, - донесся ее голос. - Если чего-то будет не хватать, я немедленно сообщу вам.

Хугго мгновенно понял: если его сейчас поймут ещё и на подслушивании барских разговоров, то обычными розгами он уже точно не отделается. Мальфиус сожрёт его живьём.

Ему не оставалось ничего другого, кроме как метнуться на этаж ниже - туда, где жил сам кастелян и старшие слуги замка. Стараясь наступать только на плотные цветные половики, чтобы не выдавать себя мягким шуршанием своих кожаных поршней, он стремительно мчался по галерее. Сердце бешено колотилось в груди, а в голове стучала одна кошмарная мысль: в этот раз выкрутиться не удастся.

Единственным выходом было добежать до самого конца коридора и укрыться в замковой уборной, отчаянно молясь, чтобы управляющему или кому-то из челяди не приспичило посетить это место прямо сейчас. От общего коридора узкую каморку отделяла лишь тяжелая штора из грубой, засаленной ткани. Внутри уборной, где безбожно воняло, прямо в каменном полу чернела порядочная дыра, сквозь которую с головокружительной высоты можно было увидеть заполненный водой ров замка - туда напрямиком и падали все нечистоты постояльцев.

Хугго затаился за шторкой в уборной, тяжело дыша и вглядываясь в темноту провала под ногами. Шаги кастеляна уже отчетливо доносились с лестницы. Немного отодвинув засаленную ткань шторы, Хугго несмело выглянул в коридор. Он увидел, как Мальфиус, тяжело переваливаясь с боку на бок всем своим грузным телом, не торопясь ковыляет к дверям своей комнаты. На ходу управляющий шумно отдувался и брезгливо вытирал пот с жирного лица носовым платком.

«Старый мерзкий боров...» – с глухой, дрожащей ненавистью подумал Хугго . Образ испуганного хряка в свинарнике мгновенно всплыл в памяти. Парня обдало азартом. «А ну-ка...» – промелькнуло в голове. Он пошире приоткрыл штору и уставился кастеляну прямо в затылок.

«Ужас, мрак, смерть! Холодный кинжал под ребро! Земля, черви, смерть, смерть!!» – стал исступленно транслировать Хугго, вкладывая в этот ментальный удар всю свою злость. Веко его правого глаза судорожно задергалось, руны под кожей обожгли огнем, а сам глаз заслезился от напряжения.

Реакция кастеляна оказалась ошеломительной. Словно подкошенный, огромный мужчина рухнул на колени. Схватившись обеими руками за уши, он дико, протяжно заорал от неопишуемого, потустороннего ужаса, заполонившего его разум. Судорожно нащупав ручку двери, Мальфиус рванул её на себя и, как был, на карачках, резво заполз внутрь своих покоев. За ним по каменным плитам коридора тянулся темный мокрый след - от страха кастелян потерял контроль над собой так же, как и свинья. Дверь захлопнулась, но даже сквозь толстый дуб из комнаты продолжал доноситься глухой крик ужаса.

Хугго трясло. Он и сам не понимал, чего в нём сейчас больше - липкого страха или безумного торжества. То, что несколько мгновений назад произошло наверху, не могло быть случайностью. Он остановился, жадно глотнул прохладный воздух двора и сжал кулаки. Да. Это был чистый, пьянящий восторг.

Настоящая, осязаемая сила впервые оказалась в его руках.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.